

«РОССИЙСКАЯ ЗЕМЛЯ
ТАЛАНТАМИ
НЕ СКУДЕЕТ...» 3

Беседа с писателем
Георгием Садовниковым

ВТОРАЯ
ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ФАНТАССАМБЛЕЯ
16

ИСТОРИИ
ОТ МАРИНЫ
МОСКВИНОЙ
18

#17
(2341)

книжное обозрение

WWW.KNIGOBOZ.RU

выходит с 5 мая 1966 года

4 ВОЗВРАЩЕНИЕ
БЛУДНОГО
УИЛТА

Юмористическая сага
Тома Шарпа

5 НОВЫЙ
ВЗГЛЯД НА
КЛАССИКУ

Неожиданная концепция
Ивана Есаулова

17 НАБЛЮДЕНИЕ ЗА
НЕОБЪЕКТИВНОЙ
РЕАЛЬНОСТЬЮ

Несерьезная литература
Жана-Марселя Эрра

НОВОСТИ

Пелевин, Адонис и букмекеры

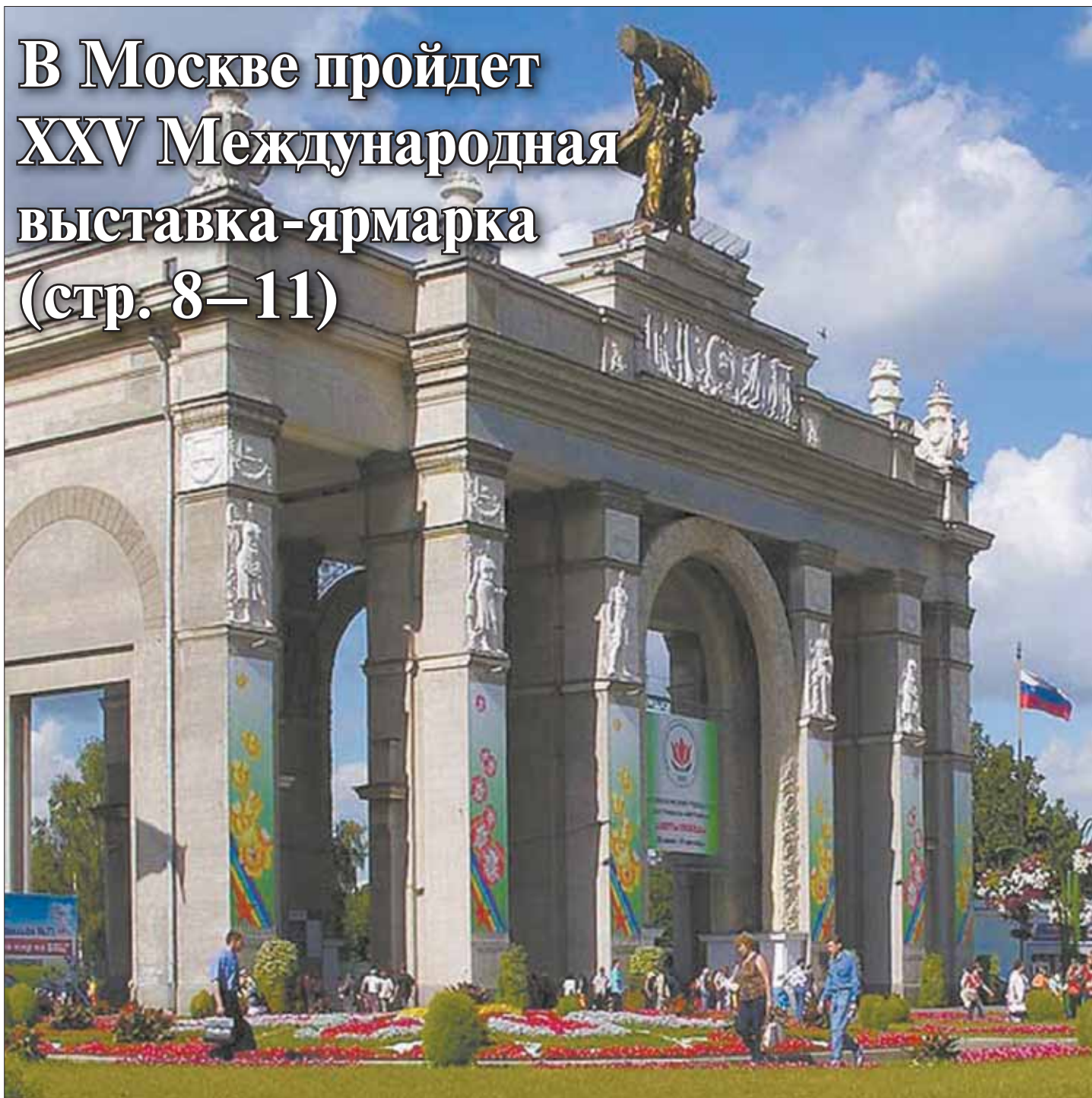
Британская букмекерская контора Ladbrokes начала принимать ставки на лауреата грядущей Нобелевской премии по литературе. Всего в этом году на одну из самых престижных наград планеты претендуют 210 прозаиков и поэтов, из них 46 выдвинуты впервые. «Необычно высокое количество бывших лауреатов Нобелевской премии воспользовались своим правом на выдвижение претендентов», — отметил секретарь Шведской академии Петер Энглунд. Сама Шведская академия никогда предварительно не обнародует списки претендентов. В открытый доступ сведения о нобелевских соискателях, не ставших лауреатами, могут попасть только спустя 50 лет.

В список же букмекеров попали лишь 107 имен. Главным претендентом называют Харуки Мураками — на победу культового японца ставки принимаются с коэффициентом 10 к 1. Шансы на победу китайского писателя Мо Янь и голландца Сейса Нотенбоома оценивают как 12 к 1. 14 к 1 ставят на албанского прозаика и поэта Исмаила Кадарэ, южнокорейского поэта Ко Ун и поэта сирийского происхождения, пишущего под псевдонимом Адонис. Последний считался лидером в прошлом году, однако уступил Тумасу Транстремеру. В числе традиционных «резидентов» букмекерского списка — Умберто Эко, Салман Рушди, Филип Рот, Кормак Маккарти, Томас Пинчон. Уже не первый год входят туда и два россиянина — Евгений Евтушенко и Виктор Пелевин. Правда, их шансы букмекеры оценивают, соответственно, как 66 к 1 и 100 к 1. В прошлом году показатели Пелевина оценивались как 50 к 1, а Евтушенко улучшил свои позиции по сравнению с прошлым годом 80 к 1.

Имя следующего лауреата Нобелевской премии по литературе станет известно в начале октября.

Книжный юбилей на ВВЦ

В Москве пройдет
XXV Международная
выставка-ярмарка
(стр. 8–11)

Читайте в сегодняшнем выпуске «PRO»:

Открыт прием заявок на получение субсидий
в рамках ФЦП «Культура России (2012–2018 годы)».

Напоминаем нашим читателям, что список новых книг, а также рейтинги бестселлеров зарубежной литературы вы сможете найти только в ПРОфессиональной версии «Книжного обозрения», распространяемого только по подписке. Подробности — на стр. 14.

Следующий номер «Книжного обозрения» выйдет 3 сентября с.г.

НОВОСТИ

КНИГА НЕДЕЛИ

С любовью без мерзопакости

До сих пор русскоязычным поклонникам Сэлинджера, желающим познакомиться с его биографией, приходилось довольствоваться главным образом мемуарами дочери писателя Маргарет А. Сэлинджер «Над пропастью во сне». Это история настолько эмоциональная, субъективная и элементарно жуткая, что даже «скандальным разоблачением» ее называть не хочется — она больше похожа на романы Стивена Kinga. Теперь у нас перевели и «нормальное» жизнеописание «отца» семейства Глассов — скрупулезное исследование Кеннета Славенски, специалиста по творчеству Сэлинджера и редактора посвященного ему сайта.

Скажем прямо — тем, кто хочет читать не о прозаике Джероме Д. Сэлинджере, а о Сэлинджере Великом и Ужасном, Отшельнике Корнишской чащобы,

Славенски К.
Дж.Д. Сэлинджер.
Идя через рожь /
Пер. с англ. А.Дорошевича,
Д.Карельского.
М.: Колibri, Азбука-Аттикус,
2012. – 496 с. – (Персона).
2500 экз. (п)
ISBN 978-5-389-03795-3

эта книга может показаться скучноватой. Славенски принципиально не собирается никого изумлять, а также выяснять, были Сэлинджер просветленной сущностью, психбольным или бытовым мерзавцем. «Идя через рожь» — исследование, написанное с любовью без мерзопакости, человеком, который лишь хочет максимально точно восстановить жизненный путь очень уважаемого им писателя. Переработав огромное количество самых разных документов и побеседовав со множеством знавших Сэлинджера людей, Славенски представляет нам подробную хронику того, где и как писатель жил, учился, воевал и печатался. И кажется, старается как можно меньше залезать Сэлинджеру в душу, а если все-таки приходится, то делает это крайне аккуратно и почтительно. Возможно, это не самая увлекательная книга о Сэлинджере на свете, но именно такие старательные и уважительные биографии очень нужны именно таким непоправимо мифологизированным людям, как автор «Над пропастью во ржи». Они хоть как-то удерживают их в реальности, с нами.

Оксана Бек

К вопросу об «английскости»

В литературных кругах Соединенного королевства размышляют о проблеме «английскости». Во время своего выступления на конференции писателей в Эдинбурге Ирвин Уэлш раскритиковал за оную «Букер». Шотландский мэтр контркультуры отметил, что среди лауреатов премии либо британские писатели среднего и верхнего классов, либо выходцы из бывших колоний. «Английскость», по мнению Уэлша, стала главным культурным критерием «Букера», по ней организаторы измеряют всю литературу. Досталось «Букеру» и за антишотландские настроения, являющиеся, по словам Уэлша, признаком надменности и «интеллектуальной дряхлости». Писатель уверен, что сегодня из-за шотландского диалекта лондонские издатели не стали бы публиковать его эпохальный роман «На игле».

А Йэн Макьюэн на том же фестивале в беседе с первым министром Шотландии Алексом Салмондом заявил, что является английским, а не британским писателем. По его мнению, национальная литература не исчезла после появления Соединенного королевства, и вернее было бы говорить об английских романистах и шотландских поэтах, нежели о британских. В каком-то смысле, по мнению Макьюэна, вся литература «провинциальна» — но не в уничижительном значении этого слова.

Марсианский подарок Брэдбери

В нашей солнечной системе появилось еще одно место памяти Рэя Брэдбери — на Марсе. 23 августа ученые НАСА провели на поверхности Красной планеты первые ходовые испытания марсохода «Curiosity». По сообщениям НАСА, «испытания прошли прекрасно, все системы работают замечательно», марсоход проехал около 10 метров, совершив разворот, после чего немедленно отправил на Землю снимки своего первого «похода».

Место посадки аппарата было названо «Брэдбери лэндинг». Это можно назвать своеобразным посмертным подарком классику — 22 августа автору «Марсианских хроник» исполнилось бы 92 года.

Центр Вампилова

В Иркутске в 75-й день рождения писателя Александра Вампилова открылся его культурный центр. В центре разместились литературно-театральный салон, читальный зал, художественная галерея, а также экспозиция, посвященная жизни и творчеству писателя.

На выставке представлены личные вещи Вампилова: письменный стол, печатные машинки, потертое рабочее кресло — свидетели творческого процесса. Кроме того, в коллекции находится множество портретов писателя. Большинство из них были написаны земляками Вампилова.

Издания, отрецензированные в номере

Аросева О. Прожившая дважды	6	Кондратьев Л., Мясоедов В. Леди с клыками	15
Беренштейн Ф. Овеществлённость (четвертая книга стихов)	7	Костин М., Гравицкий А. Живое и мертвое	15
Богданова Е. Ключ: Сборник	7	Лучшие стихи 2010 года: Антология	7
Горюнова И. Фархад и Евлалия	7	Макдермид В. Отраженный кошмар	17
Громыко А. Метаморфоозы нашего времени. Избранное	6	Максимова Т. В четырех словах: Стихи	5
Гуляев В. Тайны древних городов. Ближний Восток и Мезоамерика	15	Обрехт Т. Жена тигра	4
Дотлих Д., Кейро П. Темная сторона силы: Модели поведения руководителей, которые могут стоить карьеры и бизнеса	7	Обухова О. Копенгаген. Жемчужина Скандинавии	15
Дюпон М.-Б. Доченька: Возвращение	15	Словесные конструкции: 35 великих архитекторов мира	24
Есаулов И. Русская классика: Новое понимание	5	Собрание сочинений. Т.3. Стихотворения 2011 года: Антология современной поэзии Санкт-Петербурга	7
Зернов Д. Поросенок глиняный, поросенок пластмассовый	7	Смит Д. Прекрасное разнообразие	4
Истинный гримуар. Красный дракон	15	Шарп Т. Наследие Уилта	4
Коваль Я. Чужак: Могущество и честь	15	Широков А. «Титаник». Рождение и гибель	15
Комадей Р. Стекло: Книга стихотворений в 2-х частях	7	Эрр Ж.-М. Made in China	17
		Эрр Ж.-М. Made in France	17

Выбор редакции

1 Книги изобретательного норвежца Томаса Эспедала считают канон «новой дневниковой прозы». В «Вопреки искусству» он описывает, как живет и хозяйствует в ветхом домике на острове, постепенно наполняя бесхитростное повествование множеством причудливо переплетенных историй.

Эспедал Т.
Вопреки искусству: Роман /
Пер. с норв. А.Наумовой.
М.: Астрель, Corpus, 2012. – 244 с.

2 Алексей Иванов предлагает «прогуляться» по пугачевским местам, окунуться в события 1773–1775 годов, когда небольшая группа яицких казаков под предводительством некоего Емельяна Пугачева встала во главе знаменитого крестьянского восстания, — и убедиться в том, что Пушкин был все-таки не прав: русский бунт отнюдь не так бессмыслен, как мы привыкли думать.

Иванов А.
Увидеть русский бунт.
М.: Олма Медиа Групп, 2012. – 320 с.: ил.

3 К сожалению, российский читатель практически не знаком с уникальной театральной Вселенной родоначальницы «нового романа» Натали Саррот. Исправить ситуацию поможет этот сборник — в него вошли пьесы «Молчание», «Ложь», «Она там!», «Это прекрасно», «ИССМ», «Ни с того, ни с сего».

Саррот Н.
Пьесы / Пер. с фр.
М.Аннинской, И.Кузнецовой.
М.: Флюид, 2012. – 208 с.

«Педагогика и приключения — вещи несовместные!»

Беседовал
Александр Арсеньев

Сначала книгу пишут, потом издают, а потом, если она понравилась режиссеру, из нее делают сценарий, часто мало похожий на первоисточник, даже если один из авторов сценария — писатель, сочинивший эту самую книгу. Примерно такая история произошла с Георгием Садовниковым. Его повесть «Иду к людям» 40 лет назад получила экранное воплощение, став четырехсерийным телевизионным художественным фильмом «Большая перемена». А сегодня книга выходит в издательстве «Вече» — уже с названием картины.

— Георгий Михайлович, не много ли пре-
вращений?

— Книга попала в серию «Любимая проза. Сделано в СССР», в которой издаются бестселлеры прошлых лет, получившие экранную жизнь, такие, как «Дело было в Пенькове» Сергея Антонова, «Не хлебом единым» Владимира Дудинцева, «Журбины» Всеволода Кочетова, «Журавушка» Михаила Алексеева и др. Эта идея принадлежит издательству. Что же касается названных мною писателей, то они все разные — и по уровню дарования, и по жизненным позициям. Но дело в том, что у нас всегда была хорошая литература, и потребность в хорошей прозе есть и сегодня. В возвращении имен этих и других писателей я вижу большую справедливость. Кстати, в течение нескольких лет я вел семинары с молодыми писателями, читал рукописи. И должен сказать, что российская земля талантами не скудеет.

— А как вы сами пришли в литературу?

— Начнем с того, что я готовил себя к военной карьере и не собирался быть писателем. Я закончил Суворовское училище, мог поступить в Строгановское училище, весьма неплохо рисовал. В 1955 году меня исключили из комсомола и выгнали из института за писанину. Несколько небольших рассказов особо зоркие «читатели» сочли идеологически вредными. И не заступись за меня тогда Михаил Александрович Шолохов, которому я без всякой надежды на успех отправил все рассказы бандеролью, мне бы пришлось очень не сладко, поскольку мои сочинения уже окрестили зловещим по тем временам клеймом «зощенковщина». Но Шолохов довольно быстро откликнулся письмом, и это стало моей индульгенцией.

— Но позже под критический разнос в печати вы попали вместе с Василием Аксеновым, Владимиром Войновичем, Юрием Казаковым. Что же такого крамольного было в вашей повести «Суета сует»?

— А ничего антисоветского в ней не было. Быт студенческого общежития, чисто житейская история, в которой есть два друга и девушка, причем один из друзей человек подловатый, от его лица ведется повествование, и, видимо, некие весьма бдительные критики просто приписали мне мысли отрицательно-го героя. Напечатана повесть была в журнале

«Юность». С ней связана одна забавная история. Я писал ее на лекциях, об этом знали и студенты, и преподаватели. И вот как-то раз меня решил подловить преподаватель марксизма-ленинизма. Он рассказывал о деятельности социал-демократов в Грузии и, дойдя до членов этой группы, остановился и предложил мне назвать фамилии этих революционеров. Ребята шепнули, о чем речь, и я стал перечислять основных фигурантов — Целукидзе, Ной Жордания, но преподаватель меня остановил, сказав, что этих людей знают и школьники, а студент истфака должен показать более глубокие знания. И тогда, зная, что сам преподаватель не весьма силен в предмете, я стал громко перечислять фамилии... игроков тбилисского «Динамо» — Гогоберидзе, Моргания и пр. Все бы ничего, преподаватель даже поставил меня в пример остальным, дескать, вот как надо знать историю, но на этой лекции сидел наш заведующий кафедрой, страстный болельщик, сохранявший до конца невозмутимый вид. Закончилась лекция, передо мной стоит заведующий кафедрой: «Еще одна такая выходка, — сказал он, — и вылетите из института». Эта история и была описана в повести «Суета сует», только вместо революционеров там преподаватель задавал вопросы по зарубежной литературе, просил назвать прогрессивных колумбийских писателей.

— Когда фильм «Большая перемена» вышел на телеэкран, было ли у вас чувство удовлетворения от сделанного, вы же были одним из авторов сценария?

— В целом к фильму я относился весьма равнодушно. Поначалу он воспринимался как водевиль. Сценарий писался два года — и к концу он стал вызывать даже некоторое отвращение. Первое время после выхода фильма у меня было ощущение, что я зря потратил время. С годами это мнение изменилось: фильм показывают по телевидению, людям нравится, слышу реплики оттуда. Отдельные реплики даже используют в качестве заголовков к серьезным экономическим статьям. А вот реплику, которую произносит артистка Нина Маслова, обращенную к Крамарову, придумала сама актриса. Во время съемок она подходит к нам с режиссером и говорит: «А можно моя Вика скажет: „А что ты мне глазки строишь“?» Как было от этого отказаться?

ся? С Крамаровым работало столько режиссеров, и каких режиссеров, и никто не сообщал, что это можно обыграть. Вообще эта картина собрала замечательных исполнителей — Михаил Кононов, Евгений Леонов, Ролан Быков, Александр Збруев, Светлана Крючкова... Фильм получился добрый. Кстати, первоначально у него было другое название — «Приключения школьного учителя».

— Почему не прижилось название?

— В «Вечерке» появилось крошечное сообщение о начале съемок картины. И буквально на следующий день в Министерство образования пришла сотня писем от возмущенных учителей, смысл которых сводился к тому, что недопустимо издеваться над учительством, поскольку педагогика и приключения — вещи несовместные! Мы даже перепугались, когда министерство потребовало сценарий: а вдруг запретят? Но там оказались люди с чувством юмора. И заставили нас лишь поменять название, чтобы не обижать учителей.

— Случались ли столкновения с режиссером, съемки проходили гладко?

— Как выяснилось практически сразу, режиссер Алексей Коренев и я, мы интуитивно поняли друг друга, у нас оказался общий взгляд на юмор. Сходились не всегда, но я понимал, что картину снимать ему, и переть на него танком не надо. А на съемках случалось по-всякому. Скажем, Александр Збруев наотрез отказался надевать робу — одежду заводских трудяг. По цеху он шеголял в замшевой курточке. Режиссер сначала негодовал, а потом согласился, что стильная одежда придает хулигану Ганже особый шик. Сложнее у режиссера и у всей съемочной группы было с исполнителем главной роли Михаилом Кононовым. Он сидел в стороне, читал журналы и всем видом показывал, что попал в этот фильм случайно. Кроме того, Кононов взял на вооружение неприятный прием. Чтобы «разогреть» себя, ему нужно было с кем-нибудь поругаться. Однажды он сильно обидел Наталью Богунову (жену Ганжи). Актриса долго плакала. Утешать ее пришлось всем коллективом. Потом в своих воспоминаниях он и о фильме отозвался неодобрительно. Но в целом нервных моментов было немного. Съемки проходили весело. А вот что меня возмущало в картине, так это то, что рабочие ходят в американс-

ких джинсах, да и квартиры у них тоже ничего себе. Но режиссер Алексей Коренев убедил меня, что одежда не главное, гораздо важнее, что у них судьбы сложные. По неведомой мне причине он решил, что повесть автобиографическая, и на роль Нестора Петровича пробовал актеров, внешне похожих на меня — Андрея Мягкова, потом Михаила Кононова (последнего и утвердили). Но книга не про меня! Я не поступал в аспирантуру и не сох по некоей Полине. А взял лишь некоторые сюжеты из жизни. У меня в классе был ученик, смахивающий на Ганжу. Был прототип Нелли Ледневой, которую сыграла Светлана Крючкова. Крупная девушка, работавшая на стройке бетонщицей, влюбилась в меня и все время норовила проводить вечером до дома: «Вам одному будет страшно».

— А что вас особенно не устроило в фильме?

— Я всегда считал, что в фильме упущена линия «Нестор и Полина». Нестор человек энергичный, способный на неординарные поступки, а для режиссера это было не важно. Для него нужен был конфликт с Федоскиным, чтобы возник треугольник. Сегодня я повесть обновил, ввел сюжетные линии, которые не попали в картину. Не очень устраивал финал. Для кино того, что снято, оказалось достаточно, но я прозаик — и придумал эпизод, предшествующий балу. По сценарию танцы должны были следовать после спектакля, который решила поставить жена Ганжи. Она привлекла к репетициям Нестора Петровича. Играть решили «Евгения Онегина», а главную роль взял на себя Тимохин — Крамаров. Оказалось, что в местном драмтеатре у него работает тетка, которая может помочь с костюмами, но при условии, что Татьяну должна играть его возлюбленная Коровянская, но у той ничего не получалось, и за 15 минут до начала представления она сбежала. Жена Ганжи заменить ее не смогла — она сорвала голос на репетициях. И последней надеждой оказался Нестор Петрович, который единственный знал текст наизусть. Нестора загримировали... под Татьяну, и в таком виде он/она появился перед Крамаровым — Онегиным. В кино это могло выглядеть очень смешно. Но этот эпизод уже не вошел в картину, то есть в бюджет, зато теперь все это вошло в повесть «Большая перемена», давшую название всей книге.

4 Воспевать Александра Солженицына и разоблачать его — занятия одинаково неправильные, но соблазнительные для историков и литературоведов. Бенедикт Сарнов — один из немногих исследователей, кто ставит перед собой задачу дать серьезный и, по возможности, объективный анализ как художественной, так и мировоззренческой эволюции писателя.

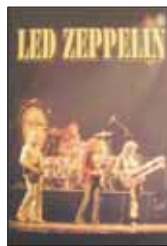
Сарнов Б.
Феномен Солженицына.
М.: Эксмо, 2012. — 848 с.

5 Композитор Александр Журбин рассказывает о своей жизни, истории создания некоторых произведений и знаменитостях, с которыми ему довелось встретиться по обе стороны океана, — Леонарде Бернстайне и Консуэло Веласкесе, Бродском, Барышникове, Оскаре Питерсоне и Фрэнке Заппа, Вуди Алене и Бобе Фоссе.

Журбин А.
Моя музыкальная жизнь.
М.: Зебра Е, 2012. — 512 с.

6 История взлетов, падений и чудес на виражах легендарных Led Zeppelin, а также хроника сольных проектов, совместных работ и воссоединений, которые имели место с момента официального распада группы, — в фотографиях (как классических, так и редких) и комментариях известного автора музыкальных биографий Гарета Томаса.

Томас Г.
Led Zeppelin:
Иллюстрированная
биография.
М.: Астрель, 2012. — 224 с.: ил.

7 Это первая полная биография Иосипа Броз Тито — основателя и многолетнего руководителя социалистической Югославии, одного из самых колоритных и загадочных политиков в истории XX века. Чем дальше в прошлое уходит эпоха Тито, тем больше обростает мифами его имя. Воссоздать реальную, а не легендарную жизнь Тито пытается Евгений Матонин.

Матонин Е.
Иосип Броз Тито.
М.: Молодая гвардия, 2012. — 480 с. — (Жизнь замечательных людей).